

Хасану Туфану –
125 лет со дня рождения

Хасан Туфан
1900–1981

63

Нам достались беды и тревоги

Равнодушная Луна

И сладкий запах полевых цветов
Напомнит людям пройденные тропы...
...И поздний путник из былых годов
Стучится в стены старые Европы.

Стучится он, не сломленный бедой,
С какою-то настойчивою силой.
И со своей суровой прямою
Он людям говорит о том, что было.

Условный стук что родная тюрьма –
Его язык. Кто он? Кого он ищет?
– Я, – говорит, – История сама,
Я сыновей ищу, которых тыщи.

Луна не знает – школу иль тюрьму
Она с небес высоких озарила,
Что не живут в своём родном дому
Те, кто зарыт был в тайные могилы.

1956

(Перевод Л. Хаустова)

Берёза

Белая берёза на юру
Пела и ломалась на ветру
Рыжие, кудрявые слегка,
Падали над нею облака.

Так бы и качаться ей, и петь,
Листьями весёлыми кипеть,
Но приходят тёмной ночью к ней
Пятеро неведомых людей,
А шестой меж ними. У него
Связанные руки за спиной,
Грязные в мозолях кулаки,
Старые худые башмаки.
Кушаком повязанный бешмет
Кто-то говорит ему: «Ахмет,
Вот тебе свобода и земля,
Небо и берёза, и петля...»

Тяжко поднимается рассвет,
Бьётся и качается Ахмет.

«Далеко ушли мои враги,
Белая берёза, помоги!» –
«Чем я помогу тебе, земляк?» –
«Шею затянул мою кулак,
Голова летит куда-то вниз,
Белая берёза, наклонись» –
«Наши тени рядышком легли,
Как мне наклониться до земли?
Не согнуть ствола мне и ветвей,
Просьбы я не выполню твоей...»

Белая берёза на юру
Рвётся и рыдает на ветру.

*(Перевод
А. Алдан-Семёнова)*

До свиданья

Мы ещё увидимся разочек,
не вздыхай, печальная сосна!
Нам достались годы, что короче
этого пути и этой ночи,
где за тучей не видна луна.

Нам достались беды и тревоги,
пыль и окровавленный рассвет.
Мы вернёмся письмами с дороги.
Мы вернёмся. Сядем на дороге,
в шрамах поражений и побед.

1947

(Перевод В. Баширова)

Чьи руки теплее?

Я горькой научен долей
Не выть и от жгучей боли.
Чем сердце перевязать?
Рукав оторвать мне, что ли?
«Вернись!» – меня письма звали.
Но дали меня связали.
Вернулся.
– Вот серьги её,
А вот могила её, – сказали.
Хватил же невзгод на земле я!
Не вою, от боли шалея.
Но сердце мне кто перевяжет?
Чьи руки теплее?

Перевод

(В. Инбер, В. Перцова)

На ветру качаются ромашки

На ветру качаются ромашки,
Взгляда отвести я не могу,
Словно это озорные дети
Разыгрались в прятки на лугу.
Вспомнил я своё босое детство
Среди этих пашен и лугов.
Стал гадать я, любит иль не любит,
Обрывая венчик лепестков.
Нет, ромашка, не уймёшь ты сердца,
Горечи щемящей не уймёшь.
Ты сказала: «Любит, поцелует»,
А ведь это ласковая ложь.
Нет, не верю я тебе, ромашка,
И не буду верить никогда.
На её безвременной могиле
Уж давно белеет резеда.

(Перевод
Б. Гайнетдинова)

Не я

68

Нет, не я, а тропинки в саду
На заре, на закате, впотьмах
Ждут прихода живой красоты
В летних лёгких цветных башмачках.

И, дыханье своё затаив,
На забрызганный солнцем балкон
Всё глядел терпеливо не я,
А сияющий юностью клён.

Целый день по звонку твоему
Телефон, а не я тосковал;
И не я, а часы мои ждут
Долгожданного: «Ты меня звал?»

Здесь Хафиз и Есенин одни
Говорят о тебе в тишине:
То они, а не я, то они
Называют тебя «Шаганэ».

Почему тебя каждая вещь
В этом доме сумбурном моём
Вдруг признала хозяйкой?
Но тут
Я, ей-богу, совсем ни при чём!

Эти строки не я написал –
Прошептала их ты, Шаганэ...
Не приданое ль это твоё
Нашей речи и нашей стране?

Нет, не я, а людские сердца
На заре, на закате, впотьмах
Ждут явления песни живой
В тех татарских цветных башмачках...

1959

(Перевод Р. Морана)

